

ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ №4 (45), 2025

Исторические науки

УДК 655.11

Антонова Н.М.

Антонова Наталья Михайловна, студентка 3 курса группы ТАБС/бак-23 факультета гуманитарного образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: b.dreamer@yandex.ru.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется судьба российского книгоиздательского и полиграфического комплекса в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Исследуется фундаментальное противоречие между взрывным ростом спроса на печатную продукцию (новости, пропаганда, специализированная литература) и глубоким кризисом отрасли, вызванным экономической дезинтеграцией, ресурсным дефицитом и информационной блокадой. Прослеживается предвоенная эволюция отрасли, её зависимость от импорта бумаги и процессы монополизации. Подробно рассматривается, как война сначала стимулировала издательскую активность, а затем привела её к коллапсу из-за нехватки бумаги, топлива и краски, паралича логистики и политической борьбы. Делается вывод, что этот кризис стал прологом к последующей национализации и установлению государственной монополии на печать после Октябрьской революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, российское книгоиздание, полиграфическая промышленность, бумажный кризис, издательский спрос, информационная блокада, пропаганда, цензура, монополизация, национализации типографий.

Antonova N.M.

Antonova Natalia Michailovna, 3th-year student of the TABS/bac-23, Faculty of Humanities, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, 40-letia Pobedy St., 33), e-mail: b.dreamer@yandex.ru.

BOOK PRINTING AND INFORMATION WARFARE IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

The article analyzes the fate of the Russian book publishing and printing industry during the First World War (1914–1917). It examines the fundamental contradiction between the explosive growth in demand for printed products (news, propaganda, specialized literature) and the deep crisis of the industry caused by economic disintegration, resource shortages and the information blockade. The pre-war evolution of the industry, its dependence on paper imports and monopolization processes are traced. It examines in detail how the war first stimulated publishing activity, and then led it to collapse due to shortages of paper, fuel and paint, paralysis of logistics and political struggle. It is concluded that this crisis became the prologue to the subsequent nationalization and establishment of a state monopoly on the press after the October Revolution.

Key words: World War I, Russian book publishing, printing industry, paper crisis, publishing demand, information blockade, propaganda, censorship, monopolization, nationalization of printing houses.

С началом Первой мировой войны российское книгоиздание столкнулось с фундаментальным парадоксом: с одной стороны, – взрывной

спрос на информацию, с другой, — жесточайший кризис всей полиграфической отрасли. Отрасль, переживавшая накануне конфликта «серебряный век», была вынуждена не только отвечать на запросы миллионов людей, чья жизнь была перевернута войной, но и делать это в условиях экономической дезинтеграции и информационной блокады. Война велась не только на полях сражений, но и на страницах газет и брошюр, превратив типографии в стратегически важные объекты.

Накануне Первой мировой войны российская печать оказалась в парадоксальном положении. Едва освободившись от политической опеки самодержавия после революции 1905–1907 годов, она попала в новую, на этот раз экономическую зависимость — от издателей, типографий и, что особенно важно, производителей бумаги.

В то время ключевую роль на российском бумажном рынке играли финляндские производители, пользовавшиеся особым статусом Великого княжества Финляндского в составе империи. Их главным преимуществом была низкая таможенная пошлина: около 80 копеек с пуда против 6 рублей с пуда за бумагу из Германии [1, с. 41]. Это позволяло Финляндии поставлять в Россию до 95% своей продукции, покрывая около 40% внутреннего спроса. Дешевизна финской бумаги объяснялась доступным сырьем и энергией, современными комбинированными производствами и узкой специализацией, что снижало себестоимость. В России фабрики были вынуждены производить широкий ассортимент сортов, часто меняя оборудование, что делало их продукцию менее конкурентоспособной.

Так, российские издатели были заинтересованы в дешевой финской бумаге, которая не только экономила средства, но и избавляла их от «политического налога» — зависимости от отечественных фабрикантов, которые могли диктовать условия и влиять на содержание печати. В то же время российские фабриканты, терпя убытки, требовали от правительства повысить пошлины и закрыть рынок от финской конкуренции. Их многолетние ходатайства к правительству оставались без удовлетворения.

Правительство видело в этой ситуации политическую выгоду – централизованный ввоз бумаги легко контролировался, следовательно, это затрудняло использование бумаги для нелегальной литературы. Кроме того, это лишало русскую буржуазию мощного рычага давления на прессу, оставляя последнюю в прямой зависимости от государственной власти.

Но этот треугольник интересов, наоборот, запустил революцию в типографической отрасли. Если до 1861 года отрасль развивалась медленно, то в пореформенный период она демонстрирует взрывной рост, что наглядно видно по данным таблицы о динамике роста писчебумажных фабрик с 1870 по 1907 год.

Важно обратить внимание на количественные данные: количество фабрик в 29 губерниях выросло со 124 до 172 (в 1,4 раза), но стоимость годового производства увеличилась с 5,3 млн до 53,7 млн рублей (в 10 раз). Рост обеспечивали не столько новые мелкие предприятия, сколько модернизация и укрупнение существующих. Таблица выделяет губернии-лидеры, где годовой выпуск превысил 1 млн руб. к 1907 году. Особенно выделяются С.-Петербургская (8,9 млн руб.), Лифляндская (8,6 млн руб.) и Эстляндская (8 млн руб.) губернии, что указывает на формирование мощных промышленных центров, часто связанных с иностранным капиталом и близостью к европейским рынкам. Как отмечают источники, прогресс был связан с переходом на новую технологическую ступень: строились комбинированные предприятия, объединявшие производство целлюлозы и готовой бумаги (Товарищество М. Г. Кувшинова, Окуловские фабрики). Это снижало себестоимость и укрепляло независимость от импорта полуфабрикатов. Финские производители начали терять свои позиции на рынке.

К 1914 году, по данным Н. Бельского, производство бумаги в России достигло 23 млн пудов против 14 млн в 1908 году, что подтверждает бурный рост отрасли в предвоенное десятилетие. К 1913 году общее количество полиграфических предприятий достигло 2668, из которых 970 были

крупными цензовыми производствами с валовой продукцией в 92 млн рублей. Москва и Петербург оставались ведущими полиграфическими центрами (на Москву в 1893 г. приходилось 50% тиража всей книжной продукции страны). Однако к 1914 году печатная продукция выпускалась уже в 454 пунктах империи, что говорит о глубоком проникновении печати в регионы [2, с. 20-23].

Так, к началу Первой мировой войны издательско-полиграфический комплекс России представлял собой мощную, экономически окрепшую отрасль. Однако его развитие шло по классическому капиталистическому пути, который В.И. Ленин характеризовал как разорение мелких производителей и концентрацию производства на крупнейших предприятиях. Этот процесс монополизации имел ключевое последствие для печати: она попадала во все большую зависимость от экономических факторов. Свобода слова теперь упиралась не только в политическую цензуру, но и в диктат крупных издателей, полиграфистов и производителей бумаги, которые могли диктовать цены и условия. Таким образом, укрепление материально-технической базы, с одной стороны, позволило печати стать массовой и влиятельной силой, а с другой – поставило ее в жесткие рамки капиталистических отношений, где коммерческая выгода зачастую определяла информационную повестку.

Итак, к первому этапу войны (1914–1915 гг.) издательская активность была чрезвычайно высокой. Крупные частные издательства (И.Д. Сытин, А.Ф. Маркс) продолжили работу, обладая ресурсами для оперативного реагирования на спрос. Организации и комитеты (Всероссийский земский союз, Военно-промышленные комитеты) начали массово выпускать инструкции, плакаты и пропагандистские материалы. Государственные типографии (Сенатская, Синодальная) работали на нужды армии.

Однако к 1916–1917 годам отрасль начала стремительно сокращаться. Стремясь полностью контролировать периодическую печать и органы массовой пропаганды в условиях военного времени, уже в июле 1914 года

правительство издает распоряжение о чрезвычайной охране губерний, в том числе и поволжских. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности» запрещало «оглашение или публичное распространение ложных – о деятельности правительственного учреждения или должностного лица, войска или воинской части, сведений, возбуждающих у населения враждебное к ним отношение», сведения «об общественном бедствии». Губернаторы получили право запрещать все народные и общественные собрания, приостанавливать издание органов периодической печати, закрывать общества и союзы [7]. Многие издательства закрылись, а крупные едва сводили концы с концами. Это объяснялось как общим ухудшением экономического положения страны, так и политической разобщенностью, которая приводила к последствиям.

Массово закрываются издания буржуазно-либерального направления. Так, «День» – ежедневная буржуазно-либеральная газета, издававшаяся под покровительством И.Д. Сытина, просуществовала с 1912 по 1917 год. «Русская земля» – ежемесячный журнал (ранее «Русское богатство») как основа либерального народничества – смогла продержаться с 1876 по 1918 годы.

Остро ощущается дефицит: до 85% бумаги все еще импортировалось, и цены на нее выросли в 10-15 раз. Топливный и энергетический кризис парализовал работу типографий. Дефицит краски и свинца делал невозможным поддержание полиграфической деятельности. Падение тиражей было катастрофическим: с около 34 тысяч названий в 1914 году до 6-7 тысяч в 1917 году [6]. Внешнеполитическая ситуация также отразилась на ассортименте печатной продукции. Издания отражали насущные потребности общества и условия военного времени. Рассмотрим основные:

- С началом войны в России стали выходить брошюры, объединенные серией «Война и культура». К 1915 году были изданы работы: «Польша и польский вопрос», «Россия и Турция», «Красный Крест», «Политический строй Франции и Англии», «Отмена капитуляции Турции», «Политический

строй Германии», «Поляки под германским владычеством», «Борьба за колонии», «Россия и Германия», «Галиция», «Англия накануне войны». Брошюры готовились исторической комиссией при учебном отделе ОРТЗ, которая ставила своей задачей «дать широким массам ряд недорогих и доступных по языку и содержанию книжек, в которых можно было бы найти отклики на все события текущего момента» [8].

- Для малограмотных солдат и крестьян печатались лубочные картины, дешевые «солдатские» библиотечки с патриотическими рассказами и практическими советами, а также противогазовые инструкции.
- Пользовались спросом оперативные «летучие издания» с очерками с фронта (в их создании участвовали: В.В. Вересаев, А.Н. Толстой), а также мемуары и дневники участников боев.
- Колossalный спрос был на медицинские пособия по военно-полевой хирургии и технические руководства по эксплуатации нового оружия.

С началом войны «информационный голод» стал настолько силен, что толпы читателей вырывали свежие выпуски из рук газетчиков [3]. Однако пиковый спрос быстро натолкнулся на информационную блокаду. Были перерезаны телеграфные кабели, связывавшие Россию с союзниками и нейтральными странами. Прямые телеграммы из Берлина и Вены исчезли, уступив место непрямым и часто искаженным сводкам.

Кризис переживала и зарубежная корреспондентская сеть. Журналисты в странах противника были арестованы (как берлинский корреспондент «Русского слова» И.М. Троцкий) [4] или вынуждены бежать. Ключевым центром для получения информации стал Копенгаген, превратившийся в «столицу обмана», где русские журналисты налаживали каналы получения сведений «контрабандою». В этих условиях главным источником новостей для большинства газет стало Петроградское телеграфное агентство (ПТА), зависимое от союзных агентств. Власть, осознав важность пропаганды, через Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) начала ежедневно «предлагать» прессе не только скучные официальные сводки, но и обширные

блоки «неофициальных» сведений о тяжелом положении в Германии, призывая повсеместно опровергать «германскую ложь» [5].

Таким образом, спрос на печатную продукцию как основной источник информации был огромным, но крайне специфическим и все чаще неудовлетворенным: общество жаждало новостей с фронта и объяснений происходящего, армия и тыл остро нуждались в утилитарных знаниях, люди искали патриотическое воодушевление в лубочных картинках и простые формы досуга в сатирических журналах, таких как «Новый Сатирикон».

Книгопечатание в России в годы Первой мировой войны прошло тяжелый путь. Отрасль столкнулась с двойным вызовом: необходимостью удовлетворять острый информационный голод общества и армии и одновременно преодолевать нарастающий экономический коллапс и политическую борьбу, в которую были втянуты сами средства производства – бумага, типографии, краска. Если в 1914–1915 годах издательская система, опираясь на предвоенную базу, демонстрировала высокую активность, то к 1916–1917 годам она была парализована. К 1917 году книга, несмотря на сохранявшийся спрос, физически не могла дойти до читателя из-за тотального дефицита ресурсов и развала логистики. Этот глубокий кризис стал прологом к последующей радикальной трансформации. После Октябрьской революции он закономерно привел к национализации типографий, бумажной промышленности и установлению жесткой государственной монополии на информацию, окончательно превратив печать из объекта рыночной и политической конкуренции в централизованный инструмент идеологической власти.

Список источников

1. Летенков, Э.В. Литературная промышленность России конца XIX – начала XX века / Э.В. Летенков. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1988 – 176 с.

2. Летенков, Э.В. Литературная промышленность России конца XIX – начала XX века / Э.В. Летенков. – Ленинград Русское слово // Русское слово. – № 166. – 1914. – С. 2.
3. Арест корреспондента «Русского слова» // Русское слово. – 1914. – 12 августа (№ 175). – С. 4.
4. С наблюдательного поста // Русские ведомости. – 1914. – 4 сентября (№ 203) – С. 5.
5. Беляева, Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901–1916: в 3 т. / Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М.М. Никидюров. – Ленинград: Издательство ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1958.
6. Городской вестник. - Текст: непосредственный // Городской вестник. – 1914. – № 2075. – С. 3.
7. Русская иллюстрация. – Москва, 1915. – № 2. – С. 23.